ИНДЕКСЫ СЧАСТЬЯ В МУНИЦИПАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ: ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аржанухин С.В.

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66, к. 427, asv123@yandex.ru

УДК 316.354:351/354
ББК 60.561.322

Цель. Анализ счастья как социального ресурса, который формируется с развитием постиндустриального общества у новой социальной общности - работников знаний.

Методы. На основе метода экстраполяции проанализирована возможность применения индекса счастья в муниципальном управлении постиндустриального общества.

Результаты и практическая значимость.

Счастье рассматривается как социологическое понятие, которое обозначает состояние и ресурс социальной общности. Деперсонификация счастья позволяет повысить меру управляемости местным постиндустриальным сообществом.

Научная новизна. Разработка критериев счастья социальных групп, которые составляют основу социальной структуры местного сообщества, может привести к пересмотру основ муниципального управления и по-новому оценить его экономическую эффективность и социальную результативность.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, государственное управление, индекс счастья, качество жизни, благополучие, местное самоуправление, когнитариат.

HAPPINESS INDEX IN MUNICIPAL GOVERNMENT: POST-INDUSTRIAL ASPECT

Arzhanukhin S.V.

Doctor of Science, Professor, Professor of the Personnel Management Department of the Urals Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), r.427, 66 8 Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620990, asv123@yandex.ru

Purpose. Analysis of happiness as a social resource which is formed together with post-industrial society in the new social entity – workers of knowledge.

Methods. Using an extrapolation method the author analyzed the possibility of applying happiness index in municipal government of post-industrial society.

Results and practical importance.

Happiness is considered as a sociological term which means status and resource of social entity. Depersonification of happiness allows to increase the measure of management by local post-industrial society.

Scientific novelty. Development of happiness criteria of social groups which are the basis of social structure of local society can bring to reconsideration of municipal government basics and give new evaluation of its economic efficiency and social effectiveness.

Key words: post-industrial society, national government, happiness index, life happiness, prosperity, local government, cognitariat.

Тема статьи представляет интерес нескольким социальным субъектам. Прежде всего, она обращена к тем институтам муниципального управления, которые определяют круг социально-экономических и духовно-нравственных проблем города, принимают управленческие решения и определяют новые подходы к развитию города. Особый интерес данная тема вызывает у академических кругов, которые занимаются футурологическими вопросами социологии города, муниципальной экономики, муниципального права.

© Аржанухин С.В., 2014

Именно эти специалисты разрабатываю концепции устойчивого, надежного развития местного постиндустриального сообщества, в котором должны быть сбалансированы интересы и потребности основных социальных страт и профессиональных групп. Полученная информация применяется властными структурами при принятии управленческих решений. Меестное гражданское сообщество также заинтересовано в получении данной информации, поскольку она раскрывает сущность и механизмы тех гуманистических преобразований, которые происходят в постиндустриальном обществе.

Проблема, которая вызвала к жизни тему индексов счастья в муниципальном образования, включена в более широкий контекст управления постиндустриального общества. Речь идет о том, что традиционные статистические показатели социально-экономического развития, которые успешно использовались в управлении индустриальным обществом, дают сбой при переходе к постиндустриальному типу общества. К числу таких показателей относится валовой внутренний продукт. В период возникновения постиндустриального уклада и трансформации общества в постиндустриальное происходят несбалансированные изменения в распределении доходов, когда ВВП, рассчитанный на душу населения, может не отражать реального положения тех социальных групп, которые обеспечивают общественное устойчивое и надежное развитие и составляют широкую демократическую социальную основу власти. Если, например, неравенство увеличивается быстрее, чем прирастает ВВП на душу населения, то большинство населения воспринимает ситуацию роста ВВП как ухудшающую их положение даже при росте среднего дохода. В этом случае в разряд населения, чувствующего реальное ухудшение своего материального положения, относятся как те слои, которые составляют массовую основу индустриального уклада, так и те, что представляют относительное меньшинство, но, тем не менее, выступают «драйвером» нового постиндустриального общества. И у первых, и у вторых есть четкое понимание того, что перераспределение доходов идет явно не в их пользу и значительно занижен их вклад в «общее дело» - процветание нации, а у субъектов управления, реализующих свои властные полномочия – государства и муниципалитетов, наоборот, складывается впечатление успешности предпринимаемых мер. На этом фоне применение различных систем оценки эффективности деятельности чиновничества и вычисление KPI чиновника теряет свой смысл, сводит всё на “нет». Нарастает диффузия и теряется социальная основа власти, снижается мера управляемости обществом.

Постиндустриальный технологический уклад вырастает из недр индустриального, резко усложняя социальную структуру общества, а вместе с этим значительно усложняется и социальное управление новым обществом. Как отмечает Д. Белл, «постиндустриальное общество не замещает индустриальное или даже аграрное… оно *добавляет* новый аспект, в частности в области использования данных и информации, которые представляют собой необходимый компонент усложняющегося общества» [1].

Институализация постиндустриальных процессов в рамках индустриального общества требует создание новой системы статистических показателей не только на макроуровне – уровне отдельных стран и государств, но, прежде всего, на мезоуровне – муниципальном и корпоративном, а при более пристальном рассмотрении важнейшим оказывается микроуровень – уровень малой группы и личности.

Основной проблемой статьи выступает противоречие между потребностью местного постиндустриального самоуправления в устойчивом, независимом социально-экономическом и духовно-нравственном развитии, основанном на согласовании жизненно важных интересов как индустриальных, так и постиндустриальных социальных групп населения, с одной стороны, а с другой – нынешним состоянием муниципального управления, отсутствием адекватных индикаторов (показателей) оценки его социального прогресса. Если обозначенное противоречие не разрешается, то возникают существенные управленческие дисфункции, которые грозят стать хроническими управленческими патологиями местного сообщества: размывается единство цели деятельности местного постиндустриального сообщества, разрушается единство деятельности для достижения поставленной цели, не поддерживается необходимый и достаточный профессиональный и личностный потенциал местного сообщества (муниципальный человеческий капитал постиндустриального города), не обеспечивается уровень безопасности материальных и нематериальных ресурсов и их целевого применения. Характер институализации постиндустриальных процессов на муниципальном уровне определяет набор и качество основных статистических показателей. Разработка критериев счастья может привести к пересмотру основ муниципального управления, оценки его экономической эффективности и социальной результативности.

Целью статьи выступает анализ счастья как социального ресурса, который формируется с развитием постиндустриального общества у новой социальной общности - работников знаний. В статье решается задача выявления возможности применения фелицитарных (от лат. «felicitas» - счастье) показателей в муниципальном управлении.

Обратимся к определению ключевого термина статьи и истории вопроса. Валовое национальное

счастья – это эмерджентная характеристика качества жизни, т.е. такая синергетическая мера качества, которая не сводится к простой сумму отдельных элементов жизни, а представляет собой системное качество. В отличие от валового национального продукта валовое национальное счастье включает культурные, национальные и личностные ценности различных социальных групп общества.

В общественный оборот термин «валовое национальное счастье» вел в 1972 году при вступлении на престол четвертый король буддийского государства Бутан – Джигме Сингье Вангчук. Он сказал, что счастье народа важнее процентов валового внутреннего продукта, а богатые не всегда считают себя счастливыми, но счастливые люди всегда богатые; конечной целью развития общества не является экономический рост. Согласно проводимой в Бутане государственной фелицитарной политики, истинное развитие человеческого общества должно обеспечиваться синергетическим эффектом от взаимодействия материальных и духовных составляющих. «Лучше быть счастливым и здоровым, чем несчастным и больным» - такова общая интенция, с которой следует, очевидно, согласиться. В 1998 году правительством Бутана были утверждены «Четыре столпа счастья»: 1. Устойчивое развитие; 2. Сохранение и пропаганда культурного и духовного наследия; 3. Охрана окружающей среде; 4. Эффективное правление. «Четыре столпа» делятся на 9 сфер: психологическое благополучие, экология, здоровье, образование, культура, уровень жизни, использование времени, активность общественной жизни, хорошее правление. «Столпы» и сферы счастья анализируются по 72 индикаторам, которые были разработаны с участием европейских экономистов и социологов. Так, например, психологическое благополучие измеряется следующими, порой несколько экзотическими на взгляд европейца, индикаторами: частота молитв и медитации, уровень эгоизма, зависти, ревности, хладнокровия, сочувствия, щедрости, отчаяния, мысли о самоубийстве. Каждые два года проводится опрос населения и вносится коррекция как в индикаторы счастья, так и в пятилетние планы социально-экономического и духовного развития Бутан. Слоганом страны стал: «Бутан – место счастья» («Bhutan; happiness is a place ») [2].

Несмотря на то, что на сегодняшний день Бутан является одной из беднейших стран по экономическим показателям, в которой были проведены в 90-е годы этнические чистки в отношении непальцев (состояние «быть счастливым» в экономически неразвитой стране было определено государством не всем подданным, а по национальному признаку), однако идейный посыл, связанный с измерением Валового национального счастья, заинтересовал международную научную общественность. К концу 20 века концепция валового национального счастья вышла за пределы культурных особенностей буддийских государств, приобрела мультикультурный характер и стала разрабатываться как реальная альтернатива и/или дополнение показателю ВВП на душу населения. По существу в начале века складывается мощное интеллектуальное движение, главным мотивом которого становится стремление научными методами измерить человеческое счастье. И это движение сразу получило повсеместную поддержку обыденного массового сознания, т.к. конечной целью жизни каждого человека выступает стремление к счастью, где бы он ни находился. В 2004 году была создана Международная коалиция Валового национального счастья, которая включила в себя помимо самого Бутана целый ряд организаций США, Нидерландов, Таиланда, Великобритании, Канады, Бразилии. Уже в июле 2006 года британский исследовательский центр «Фонд новой экономики (New Economics Foundation)» предложил оценивать реальное благосостояние наций на основании международного индекса счастья (Happy Planet Index), а не на показателях ВВП на душу населения или на индикаторах развития человеческого потенциала (Human Development Index), которые не всегда могут отразить реальное благосостояние людей и положение окружающей среды. Предложенный международный индекс счастья рассчитывается исходя из трех показателей: субъективная удовлетворенность жизнью самих людей, ожидаемая продолжительность жизни и степень нанесенного ущерба окружающей среде/экологический след [3]. В феврале 2008 года по инициативе Президент Франции Николя Саркози была создана Комиссия по измерению эффективности экономики и социального прогресса. Как отмечалось в докладе Комиссии, «цель … состояла в том, чтобы идентифицировать пределы ВВП как показателя экономического развития и социального прогресса, включая проблемы его измерения; изучить, какая дополнительная информация могла бы потребоваться для формирования более адекватных показателей социального прогресса: оценить реализуемость альтернативных инструментов измерения, и обсудить, как правильно представлять статистическую информацию» [4].

В июле 2011 года Бутан предложил Организации объединенных наций ввести «индекс счастья» для измерения качества жизни в разных странах. ООН живо откликнулась на это предложение, т.к. положительное информационное поле этой продуктивной идеи было уже создано. В короткий срок была принята резолюция, призывающая страны разрабатывать собственные модели и методы измерения счастья и предоставлять их в качестве «положительных практик» в ООН. В июне 2012 года Генассамблея ООН утвердила 20 марта Международным днем счастья.

Одними из первых, кто откликнулся на призыв разработать национальный индекс счастья, стали Китай и Великобритания, где уже велись работы в этом направлении. Важная особенность «китайского» индекса счастья состоит в том, что была предпринята попытка расширить сферу действия национального индекса счастья с общегосударственного уровня и до уровня регионального управления. Экстраполяция индекса счастья на уровень регионального управления - это важнейший практический и теоретический шаг, который создавал возможность построить единую систему оценки общегосударственного и регионального управления на основе совершенно особой группе фелицитарных показателей. Индекс счастья становится инструментом региональной кадровой политики Китая: целый ряд чиновников были показательно уволены, т.к. люди не были достаточно счастливы под их правлением. Увольнения были подкреплены фелицитарными статистическими показателями. В китайской практике индекс счастья является инструментом реализации властных иерархий государства в новой экономике. Применение индекса счастья в управлении региональным сообществом является существенным шагом в развитии теории государственного управления.

По итогам 2011 года Д. Канеман, получивший нобелевскую премию по экономики за исследование механизмов формирования суждений и принятия решений, управления свои поведением в условиях неопределённости (2002), разработал свою собственную методику качества жизни, которая включала в себя индекс правопорядка; индекс пищи и крова; индекс личной экономической ситуации; индекс личного здоровья; индекс гражданской вовлеченности; индексы благополучия: процветания, затруднений, страданий; индексы благополучия: позитивные события; индексы благополучия: негативные события; индекс доверия к национальным институтам; индекс коррупции; индекс развития молодежи; индекс базовых нужд сообщества; индекс многообразия; индекс оптимизма; индекс использования респондентами электронных средств коммуникации; индекс насилия; индекс религиозности [5].

Первое десятилетие 21 века в области наук о человеке происходит лавинообразный рост публикаций по проблематике счастья и оценке счастья на основе целого ряда показателей качества жизни - субъективного благополучия, удовлетворенности, удовольствия, социального оптимизма и т.д. Созданы всемирные базы данных по статистическим показателям здоровья, счастья и удовлетворенности и по инструментам диагностики качества жизни [6]. Согласно обзору теоретических и философских оснований качества жизни, составленному западными специалистами, в научном обороте выделяется 15 возможных критериев, на основании которых можно потенциально создать более 200 тысяч (!) принципиально разных измерительных систем качества жизни [7]. Предложенный в 2011 году Организацией экономического сотрудничества и развития Индекс измерения качества жизни рассчитывается для оценки уровня развитых стран только по 11 фелицитарным показателям: жилье; доход; работа; сообщество; образование; окружающая среда; вовлеченность в гражданскую активность; здоровье; удовлетворенность жизнью; безопасность; баланс работы и отдыха. Ясно, что предложенный набор индексов не может охватить весь спектр потенциально возможных методик и отражает лишь наиболее приоритетные, по мнению этой Организации, аспекты счастья. Разнообразие методик, технологий и индикаторов счастья скорее говорит о том, что проблема заключена не в создании статистических фелицитарных показателей, а в том, насколько в обществе оформился консенсус в отношении счастья (или человечества в целом) и в какой степени счастье стало объектом социального познания. Консенсус в отношении счастья — фундаментальный интегративный принцип в обществе; он важен и на практике - в реальной повседневности, в принятии управленческих решений, и в теории – дискуссиях специалистов в области наук о человеке. Для определения основ этого консенсуса требуется, как минимум, обратиться к мировоззренческим, ценностным началам культуры. Только через мировоззренческое, философское осмысление счастья как абсолютной ценности жизни этот феномен может войти в научный оборот социологии.

Энциклопедические издания аккумулируют, как правило, определенные общепринятые итоги познания. «Большая советская энциклопедия» связывает счастье с персонифицированным состоянием человека и характеристикой жизни человека. «Счастье - понятие морального сознания, обозначающее такое состояние человека, которое соответствует наибольшей внутренней удовлетворённости условиями своего бытия, полноте и осмысленности жизни, осуществлению своего человеческого назначения. <…> Понятие С. не просто характеризует определённое конкретное объективное положение или субъективное состояние человека, а выражает представление о том, какой должна быть жизнь человека, что именно является для него блаженством» [8]. В такой же парадигме дает определение А.А. Гусейнов: «Счастье – понятие, обозначающее высшее благо как завершенное, самоценное, самодостаточное состояние жизни; общепризнанная конечная субъективная цель деятельности человека» [9].

В счастье можно выделить объектную и субъектную стороны. К субъектной стороне счастья относится всё то, что зависит от человека; к объектной – всё, что задается внешними человеку обстоятель-

ствами. То, что в счастье зависит от человека, получило название добродетели. Нравственные добродетели выступают факторами счастья. Для отечественного понимания счастья важна древнегреческая традиция, которая нашла своё определенное отражение в православной этике. В истории древнегреческой культуры можно выделить три основных подхода, раскрывающих вопрос о том, как добродетели обуславливают достижение счастья. Первый рассматривает нравственные добродетели в качестве средства достижения счастья, которое выступает конечной целью человеческого жизни. В рамках этого взгляда счастье отождествляется с удовольствием (гедонизм), с успехом или пользой (утилитаризм), безмятежностью души и/или отсутствием страданий человека (евдемонизм). Вторая традиция рассматривает счастье как прямое следствие добродетели, т.е. нравственное совершенство человека с точки зрения родовой жизни, независимо от превратностей судьбы и само по себе является счастьем (стоицизм). Третий – синтетический подход - рассматривает нравственные добродетели как путь к счастью и одновременно существенный элемент счастья. Она восходит к Аристотелю и связывает счастье как «вторую природу» с совершенной деятельностью, деятельным разумом.

Если счастье как объект социального познания рассматривать в рамках первых двух подходов, то любые индексы счастья будут носить маргинальный характер, т.к. связаны с отдельными людьми как «культурными гибридами», для которых адаптация к внешней реальности представляет собой одну из существенных, а порой и непреодолимых проблем. У человека, следующего обозначенным традициям, постоянно возникают «пограничные ситуации» с бесконечным в пространстве и во времени набором шкал удовольствий/неудовольствий, успехов/неудач, безмятежностей/стрессовости, внутренней гармонии/разобщенности и т.д. В этом случае скорее речь идет о статистике эмоционального состояния благополучия, которое постоянно в «маятниковом» порядке постоянно меняется, чем о счастье как о социологической категории. Третья традиция открывает возможность деперсонифицировать счастье и превратить его в объект социального познания, связать счастье с социальной общностью, а не с отдельным человеком как таковым. На этом пути открывается возможность рассмотреть счастье как институциональный образец ценностных ориентаций в социо-культурной системе, перевести счастье на язык общих целей и совместных конкретных действий, ролей и норм поведения, которые обеспечивают основу социального порядка.

Развитие постиндустриального уклада дает возможность рассмотреть счастье как атрибутивную характеристику жизни новой социальной общности, которую условно можно назвать «работниками знаний». В середине 20 века классический менеджмент переживал существенный кризис, который в настоящее время до конца не преодолен не только в высокоразвитых странах, не говоря уже о странах с догоняющей экономикой. Суть этого кризиса состояла в том, что люди массовых профессий с невысоким уровнем квалификации, которые составляли трудовую основу масштабного машинного, прежде всего - конвейерного производства, исчерпали в рамках сложившегося менеджмента свои энергетические возможности как главного «драйвера» общественного развития. Начались активные поиски нового фактора общественного производства, отвечающего формирующимся условиям. И он был найден в лице работников интеллектуального труда – работников знаний. Работники знаний превращают знания и информацию в реальные технологии и продукты. Знания и информация становятся главными факторами в иерархии факторов общественного производства: труда, земли, капитала. Движущим началом новой эпохи, получившей название постиндустриальной, оказывается самоактуализация личности работника знания, помноженная на разумный альтруизм.

На первом этапе постиндустриального развития – информационном обществе - новый социальный класс выступает как подкласс наёмных работников в буржуазном обществе. Он как особая социальная общность: а) живет за счет своеобразной аренды своих интеллектуальных средств производства (подобно тому, как пролетарий продает свою способность к физическому труду), б) лишен в рамках сложившихся на текущий момент общественных отношений необходимой и достаточной собственности и социального (потребительского) капитала для самостоятельной капитализации своего интеллектуального потенциала и превращения его в капитал, но отличается от пролетария тем, что средства производства – профессиональные знания и интеллект принадлежит ему, в) с точки зрения системы ценностей, ориентируется не на получение прибыли или же сверхприбыли, а на развитие культуры и реализацию социально значимых проектов, т.е. своеобразная самореализация через социальную коммуникацию. Вклад новой социальной группы в создания ВВП, который затем вычисляется на душу населения, является определяющим. Эта группа объективно отчуждена от распределения и перераспределения полученной при прямом её участии прибавочной стоимости. Объективные параметры дополняются и субъектными: группа обязательно не доверяет распределению и осознает потенциальную несправедливость, ощущает, что подвергается эксплуатации. Такая социальная группа может быть названа когнитариатом (термин, введенный в макросоциологический оборот

Э. Тоффлером в «Метаморфозах власти), который, как и пролетарий, не живет за счет прибыли с какого-либо капитала.

Средства производства – профессиональные и личностные компетенции как органическое единство академических знаний, умений, ценностей и креативности, необходимое для производства профессиональных знаний и их трансфера, принадлежат непосредственно когнитарию. Эту особенность отметил П. Друкер: если раньше промышленный рабочий, отчужденный от средств производства, нуждался в капиталисте, то теперь скорее капиталист нуждается в работнике знаний. Особо следует отметить, что менеджмент в постиндустриальную эпоху наряду с правом и моралью становится формой самосознания и самоконтроля деятельности когнитария. При всей значимости материальной составляющей идеал гражданского служения, стремление создать социальную благо, развить свою национальную культуру, т.е. всё то, что может быть названо рациональным альтруизмом, занимает в общей структуре мотивационных факторов когнитариата ведущее место.

Социальные источники организационной культуры когнитариата неоднородны и формируются как минимум в результате двух встречных процессов: с одной стороны, интеллектуализация индустриального пролетариата, которая выделяет в новых общественных условиях из своей промышленной среды, в частности, информационных рабочих, способных не только рутинно использовать уже имеющиеся интеллектуальные продукты, но и обладать созидательной продуктивностью, с другой стороны, пролетаризация интеллигенции, прежде всего – её инженерно-технической части, которая не только проектирует интеллектуальные продукты, но и на практике участвует в трансфере знаний в технологии и продукты. Превращение когнитария в информационном обществе из «класса-в-себе» в «класс-для-себя» будет сопровождаться стремлением повысить степень собственного доверия к властным институтам путем участия в контроле за всем циклом производства знания и информации, включая возможность прямого участия в распределении и перераспределении прибыли, полученной с помощью этих знаний и технологий. Вопрос здесь стоит только во времени институализации и легализации этого процесса.

В социальной структуре общества когнитарии должны занять особое - центральное место в равностороннем «треугольнике», вершинами которого являются: а) экономика (собственность) - ответственность за адаптацию, б) политика (власть) - формирование целепостановки, в) культура (социальный статус) - сохранение норм и правил. Качеством человеческого капитала когнитариата определяется сущностные характеристики информационного общества. Забегая несколько вперед, можно сказать, что приход на арену исторического творчества когнитариата со всей определенностью поставит вопрос уже в рамках второго этапа постиндустриального общества: а) об экономике, построенной на знаниях (где знания станут самым главным адаптационным фактором), б) о власти, основанной на знаниях (где главным фактором целепостановки становится не столько место в вертикально-иерархических структурах, сколько знания, позволяющие ставить и решать сбалансированные общенациональные задачи в условиях высокой неопределенности внешней среды и значительных рисков), в) о культуре, которая надежно воспроизводится и развивается на основе знания образцов человеческой деятельности, в отличие от искусственных форм активности и массового поведения. Когнитариат, решая эти вопросы, превращается из «класса-в-себе» в «класс-для-себя», создает необходимую организационную культуру для капитализации своего интеллектуального потенциала и на этой основе для стабильного создания общественного блага.

Особенности когнитариата позволяют рассматривать счастье не только как характеристику жизни отдельного человека, но и социальной общности. У разумной «второй природы», о которой говорил Аристотель, есть свои удовольствия и свои добродетели. Счастье выступает социальным ресурсом когнитарита, т.к. социальный смысл капитализации интеллектуального потенциала когнитариата состоит в самоактуализации и разумном альтруизме (рационально понятой помощи ближнему). И самоактуализация, и разумный альтруизм должны быть институализированы в постиндустриальном обществе.

Как и любой социальный ресурс, счастье требует для своего развития определенного рода компетенций. Прежде всего, необходимо отметить, что организационная культура когнитариата – это культура учения. На одно из первых мест в этой культуре компетенция когнитариата понимать поведение других социальных групп общества и уметь устанавливать с ними обязательно доверительные отношения. Без согласования жизненно важных потребностей и интересов различных социальных групп многоукладного постиндустриального общества обеспечить устойчивость и надежность его развития невозможно. Когнитариат, наделенный высокой степенью эмпатии, выступает «медиатором» в реализации интересов социальных групп. Качественный социальный интеллект когнитариата дополняется социальным оптимизмом в управлении будущими, в конструировании положительного восприятия прошлого и позитивном принятии настоящего. Когнитариат регулирует экономическую свободу как создание наибольшего количества возможных

вариантов развития для хозяйствующих субъектов из различных укладов, включая и самих себя. В жизни когнитариата важнейшую роль играют: обеспечение безопасность частной жизни, защита её приватности; здоровый образ жизни (здоровье – есть функция интеллекта); профессиональная деятельности, в основании которой лежит постоянный личностный рост. Индекс счастья когнитария определяется мерой социальной пользы, которое вносит эта социальная группа в экономическое развитие и социальный прогресс многоукладного постиндустриального общества. В этом смысле можно вести речь об индексе счастья и любой другой социальной группы.

Основными драйверами постидустриализма выступают города. Ведущий международный специалист по развитию города Чарльз Лэндири связывает будущее города с креативностью [10]. Смысл постиндустриального города – это создание пространства, где созданы условия для самореализации и рационального альтруизма работников интеллектуального труда. Характерной особенностью постиндустриального города является изменение места и роли знаний в управлении городом. В постиндустриальном городе муниципальная власть построена на управлении и практическом применении важнейшего постиндустриального ресурса - управлении знаниями.

Сейчас уже накапливается определенный опыт муниципальной фелицитарной политики. Среди пионеров в разработке индекса счастья для местных сообществ выступает постиндустриальная Япония. Здесь была предпринята попытка разработать концепцию Валовое счастья города Аракавы (Gross Arakawa Happiness). Было проведено case-stady-исследование и полученные результаты опубликованы [11]. Обратимся к положительной практике разработки и применения индекса счастья для конкретного местного сообщества.

Аракава сити – один из промышленных специальных районов в северо-восточной части Токио. По состоянию на 1 апреля 2011 года численность населения более 205 тыс. человек, плотность населения – около 18 800 чел./км^2, общая площадь – 10,2 км^2. В районе располагается корпорация «Исэки» - производство тракторов и двигателей и «Эдвин Компани» - производство одежды, также развита сеть торговых центров и универмагов. Значительная часть жителей городской конгломерации района имеют устойчивые межличностные отношения и осознают свою принадлежность к району. В ноябре 2004 года был избран новый глава города, и с этого момента началась работа по изучению счастья граждан, которые находятся под управлением местной администрации. Вскоре поступило предложение разработать Индекс счастья Аракавы по типу Валового национального счастья Бутана. Для этого была сформирована специальная проектная группа, некоторые члены которой были направлены в Бутан, чтобы изучить практику применения Индекса валового национального счастья. Самый важный вопрос для проектной группы, который требовал своего ответа, - были ли счастливы люди из местного сообщества и что надо сделать администрации, чтобы повысить уровень счастья? Было проведен опрос общественного мнения жителей Аракавы, который позволил проанализировать фактические условия жизни горожан. На основе концепции счастья в 2007 году был разработан стратегический план развития города на 20 летний период. Основным лейтмотивом этого плана стало положение, что каждый гражданин может почувствовать себя счастливым в городе Аракава. Будущее города представлено в шести фелицитарных направлениях деятельности местной администрации. Город 1) содействует долгой здоровой жизни; 2) создает лучшую социальную защиту детей и лучшее образование; 3) гордится инновационной промышленностью; 4) направлен на улучшение экологии, 5) утверждает культурную креативность; 6) мирный и безопасный. Таким образом, удалось построить основу валового счастья Аракавы. Затем был создан научно-исследовательский институт местного самоуправления при администрации города, куда была переведена для академической разработки тема индекса валового счастья Аракавы. Институт управлялся в форме независимого административного органа, что позволило более свободно проводить исследование. Особенность этого института состояла в том, что, хотя он и создавался как институт местного самоуправления, но управлялся в форме независимого административного органа. Только независимая научная организация может проводить свободно исследовательскую работу с позиций, которые могут быть отличны от точки зрения администрации. Это был первый случай в Японии, когда местная администрация начала свою работу по повышению качества муниципального управления с создания независимого научного подразделения. В дальнейшем в августе 2011 институт был сертифицирован как некоммерческая организация с целью решения более широкого круга вопросов, которые возникают у местной общественности.

Цель проекта состояла в том, чтобы создать такой показатель валового счастья Аркавы, который бы позволял, с одной стороны, контролировать любые изменения уровня счастья у своих граждан, с другой, отражал определенные результаты принятых администрацией управленческих решений. Реализация проекта связана с тремя этапами. На первом этапе создается концепция счастья. Участники проекта отчетливо понимали, что понятие счастья для жителей города Аракава может отличаться от того, что предлагает им,

например, национальное правительство Японии, или того, что понимается под счастьем в других странах. На втором этапе был проводен анализ данных опросов общественного мнения относительно предложенного индекса счастья, как это делается в фелицитарной практике Бутана. На третьем этапе была произведена экспертиза индекса счастья города Аракава. В 2011 году были разработаны показатели по двум направлениям: содействие долгой здоровой жизни горожан и создание лучшей социальную защиту детей и лучшее образование. Так, например, содействие долгой здоровой жизни горожан включает целый ряд показателей, среди которых: общее состояние здоровья в регионе и в городе, продолжительность жизни по стране и по городу; физическое здоровье горожан (определяется с учетом количества инвалидов с ограниченными физическими возможностями), здоровая продолжительность жизни среди женщин и мужчин, преждевременный уровень смертности, количество людей, требующих долговременного ухода, индекс массы тела у женщин и мужчин, удовлетворенность питанием (диетой), уровень отдыха; психическое здоровье (определяется через показатели количества самоубийств, уровня депрессий, возможности социальных контактов, выполнение социальных ролей и т.д.

Первый опыт подтвердил правильность экстраполяции индекса счастья в область муниципального управления. Вместе с тем проведенное исследование наводит на мысль о разработке индекса счастья не только применительно для местного сообщества в целом, но и для различных социальных групп, которые входят в это сообщество. Прежде всего, необходимо обратить внимание на те социальные группы, которые обеспечивают надежное, устойчивое развитие местного сообщества, основанное на сбалансированности интересов основных социальных и профессиональных групп. Если этого не сделать, то, как и для оценки любого агрегативного состояния, к числу которых относится и состояние счастья, которое будет вычисляться на «душу местного сообщества», возникнет неминуемо подобный же конфликт, что и при вычислении ВВП на душу населения.

Литература:

1. Иноземцев В. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.
2. Сервер «Валовое Национальное Счастье» с планированием развития Бутана и пятилетними планами [электронный ресурс]. URL: http://www.gnhc.gov.bt/ (дата обращения 05.05.2014).
3. Сервер New Economics Foundation с отчетом по Happy Planet Index за 2012 год [электронный ресурс]. URL: http://www.neweconomics.org/pages/our-history (дата обращения 01.06.2014).
4. Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. Первая глава. Рабочий перевод. М., 2010.
5. Чепурных М.Н. Индексы счастья: опыт Запада (социологический обзор) // Теория и практика общественного развития. 2012, № 9. [электронный ресурс]. URL: http://www.teoria-practica.ru/vipusk-9-2012/ (дата обращения 01.06.2014).
6. Рассказова Е.И. Методы диагностики качества жизни в науках о человеке // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2012. № 3. С. 102-103.
7. Рассказова Е.И. Методы диагностики качества жизни в науках о человеке // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2012. № 3.
8. Счастье (философ.) // Большая Советская Энциклопедия [электронный ресурс]. URL: http://www.big-soviet.ru/627/77119/Счастье%20(философ.) (дата обращения 25.05.2014).
9. Гусейнов А.А. Счастье // Новая философская энциклопедия [электронный ресурс]. URL: http://iph.ras.ru/elib/2909.html (дата обращения 25.05.2014).
10. Лэндри Ч. Креативный город. М., 2011.
11. Kawahara K. A Case Study of Happiness Index by Local Government: Gross Arakawa Happiness (GAH) in Arakawa City [электронный ресурс]. URL: https://dspace.wul.waseda.ac.jp/dspace/bitstream/2065/39174/1/WasedaKyoikuHyoron_27_1_Kawahara.pdf (дата обращения 02.06.2014).

References:

1. Inozemtsev V. Perspectives of post-industrial theory in changing world // New post-industrial wave in the West. Anthology / Edited by V.L. Inozemtsev. M.: 1999.
2. Server “Gross National Happiness” with development planning of Butan and 5-year plans [e-resource]. URL: http://www.gnhc.gov.bt/ (date of reference 05.05.2014).
3. Server New Economics Foundation with the report on Happy Planet Index for 2012 [e-resource]. URL: http://www.neweconomics.org/pages/our-history (date of reference 01.06.2014).
4. Report of the Commission on efficiency measurement of economy and social progress. Chapter 1. Draft translation. M., 2010.
5. Chepurnikh M.N. Happiness indices: the Western experience (sociological review) // Teoriya I praktika obshchestvennogo razvitiya. 2012, № 9. [e-resource]. URL: http://www.teoria-practica.ru/vipusk-9-2012/

(date of reference 01.06.2014).
6. Rasskazova E.I. Diagnostical methods of life quality in science about a man // Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 14. Psikhologiya. 2012. № 3. P. 102-103.
7. Rasskazova E.I. Diagnostical methods of life quality in science about a man // Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 14. Psikhologiya. 2012. № 3.
8. Happiness (Philosoph.) // Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya [e-resource]. URL: http://www.big-soviet.ru/627/77119/Счастье%20(философ.) (date of reference 25.05.2014).
9. Guseynov A.A. Happiness // Novaya filosofskaya entsiklopediya [e-resource]. URL: http://iph.ras.ru/elib/2909.html (date of reference 25.05.2014).
10. Landry Ch. The Creative City. M., 2011.
11. Kawahara K. A Case Study of Happiness Index by Local Government: Gross Arakawa Happiness (GAH) in Arakawa City [e-resource]. URL: https://dspace.wul.waseda.ac.jp/dspace/bitstream/2065/39174/1/WasedaKyoikuHyoron_27_1_Kawahara.pdf (date of reference 02.06.2014).